

ББК 63.3(2)2-9

Н.Н. Серегин

**«Околокурганные» сооружения тюркской культуры
(систематизация и некоторые вопросы интерпретации)***

N.N. Seregin

**«Near Barrow» Objects of the Turks Culture
(Systematization and Some Aspects of Interpretation)**

Каменные изваяния, оградки, стелы и балбалы традиционно рассматриваются в рамках изучения ритуальных сооружений тюркской культуры. При этом в научной литературе практически нет упоминаний о том, что обозначенные объекты в ряде случаев являются частью погребальных комплексов. Систематизация «околокурганных» объектов тюркской культуры позволила выделить шесть групп сооружений. Обозначена специфика их расположения и территориального распространения. Выявленная значительная степень сходства в организации сакрального пространства погребальных и «поминальных» комплексов тюркской культуры позволила затронуть некоторые аспекты интерпретации каменных оградок. Наиболее перспективным является рассмотрение возможности соотношения ряда обозначенных объектов с кенотафами.

Ключевые слова: археологические памятники, тюркская культура, Саяно-Алтай, Монголия, «околокурганные» объекты, погребальные памятники, «поминальные» комплексы, раннее Средневековье.

Сложность погребального комплекса определяет возможность выделения в его структуре нескольких уровней [1, с. 71], к одному из которых относится организация сакрального пространства. К примеру, часто фиксирующейся ситуацией является сопровождение курганов различными объектами – жертвенниками, балбалами, изваяниями и др. В научной литературе неоднократно использовалось обозначение подобных сооружений как «внекурганных» [1, с. 71, рис. 1; 2; 3, с. 88, рис. 4], однако, по всей видимости, корректным будет использование определения «околокурганные», что более точно отражает основную характеристику в их расположении. Рассмотрение этих объектов является одним из этапов реконструкции обряда древних и средневековых обществ. В настоящей работе представлен опыт изучения «околокурганных» сооружений тюркской культуры.

Каменные изваяния, оградки, стелы и балбалы традиционно рассматриваются в рамках анализа

The stone statues, fences, stels and balbals are traditionally studied when researching ritual buildings of the Turks culture. At the same time there are no mentions in the science literature that these objects were the part of funeral complexes. The systematization of «near barrow» objects of the Turks culture let to pick up six groups of buildings. The specificity of their disposition and the territorial spreading were emphasized. The author reveals high level of similarity in organization of funeral sacred space and funeral complexes of the Turks culture. This fact let us to consider some aspects of interpretation of the stone fences. The most perspective way is to study the possibilities to correlate some these objects with the kenotafs.

Key words: archaeological monuments, Turks culture, Sayan-Altay region, Mongolia, «near barrow» objects, funeral monuments, funeral buildings, period of Early Middle Ages.

ритуальных сооружений тюркской культуры. Различным вопросам, связанным с их интерпретацией, посвящено значительное количество статей и монографий. При этом в научной литературе практически нет упоминаний о том, что обозначенные объекты в ряде случаев являются частью погребальных комплексов населения тюркской культуры, располагаясь рядом с курганами раннего Средневековья. Краткая информация об «околокурганных» сооружениях приведена в монографии Г.В. Кубарева [4, с. 16], обозначившего их как «сопроводительные». Общий обзор закономерностей расположения изваяний, стел и балбалов у курганов тюркской культуры представлен в монографии, посвященной публикации и анализу материалов раскопок археологического комплекса Котыр-Тас в Горном Алтае [5, с. 71–73]. Дискуссионность многих вопросов, связанных с изучением погребально-поминальной практики кочевников тюркской культуры, определяет актуальность целена-

* Работа выполнена при финансовой поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности» (шифр 2009-1.1-301-072-016).

правленных исследований в указанном направлении с привлечением всех имеющихся материалов.

В настоящей работе учитывались результаты раскопок погребальных комплексов тюркской культуры на территории Саяно-Алтая и Монголии. При этом большинство «околокурганых» объектов обнаружено в ходе исследования памятников Горного Алтая и Тувы. Необходимо принимать во внимание, что возможность фиксации некоторых памятников в определенной степени зависит от методики раскопок. Известно, что межкурганное пространство в силу целого ряда причин исследуется крайне редко, хотя именно в ходе подобной работы возможно выявление ряда сооружений [6, с. 117]. Особенно это актуально для районов с высокой степенью задернованности археологических комплексов. Не исключено, что данное обстоятельство является одним из объяснений преимущественной концентрации «околокурганых» объектов в определенных районах [4, с. 16]. Тем не менее на сегодняшний день накоплен определенный объем сведений, систематизация которых позволяет обозначить несколько групп сооружений, располагавшихся рядом курганами в рамках погребальных комплексов тюркской культуры.

1. Каменные изваяния и крупные стелы. Расположены почти всегда с восточной стороны, вплотную к курганной насыпи. Подобная ситуация зафиксирована на памятниках Ак-Кобы и Кара-Коба-I (к. 47) в Горном Алтае [7, с. 171, табл. XLIII.-1; 8, с. 150–151]. В ходе исследований могильника Узунтал-VIII (к. 1) отмечено расположение изваяния к югу от насыпи [9, с. 46]. К данной группе «околокурганых» объектов следует также отнести крупную плиту (высота 1 м), зафиксированную у восточной полы кургана 54 могильника Улуг-Хову в Туве [10, с. 132]. Интересно, что при исследовании двух из указанных курганов отмечена специфика ритуала, нигде более не встреченная при изучении мужских погребений тюркской культуры – умершего сопровождало захоронение ребенка [8, с. 155; 10, с. 132–133]. Несколько более характерна и объяснима подобная деталь обряда для погребений женщин [11, с. 23; 12, с. 94; 13, с. 55].

2. Балбалы и невысокие стелы. Количество их варьирует от 1 до 57. Расположены на незначительном расстоянии, с восточной стороны от курганной насыпи. «Околокурганые» объекты, объединенные в рамках второй группы, встречены в ходе раскопок памятников тюркской культуры Бажынты (к. 27), Сары-Кобы (к. 27), Кара-Коба-I (к. 47) в Горном Алтае [8, с. 150–151; 14, с. 126–127], Бай-Тайга (59-3), Кокэль (к. 13, 23) в Туве [15, рис. 9, 19; 16, с. 96]. Имеется также упоминание о стеле, расположенной с восточной стороны от кургана тюркской культуры, исследованного на Абаканском чаатасе в Минусинской котловине [17, с. 212]. Только в двух случаях зафиксировано расположение балбалов с западной стороны от на-

сыпи. Подобная ситуация отмечена на памятниках Балык-Соок-I (к. 23) в Горном Алтае [4, табл. 144] и Уюк-Тарлык (к. 53) в Туве [18, с. 23, сноска 53]. Отметим, что в большинстве случаев объекты, рядом с которыми зафиксированы стелы или балбалы, не содержали «стандартного» погребения и относились к кенотафам, самостоятельным захоронениям лошадей или «ритуальным» курганам.

3. Каменные кольца. Почти всегда расположены на небольшом расстоянии с восточной стороны от курганной насыпи и сгруппированы в ряд по линии юг-север. Подобная ситуация отмечена при исследовании ряда памятников тюркской культуры в Юго-Восточном Алтае: Джолин-I (к. 9), III (к. 2), Барбур-газы-II (к. 9), III (к. 7), Курай-II (к. 1, 6), IV (к. 1–3), Юстыд-I (к. 8), XII (к. 28) [4, с. 16, табл. 14, 25, 57, 77; 19, с. 93], а также Дыттык-Чарык-Аксы (к. 1) в Туве [20, с. 236]. Кроме того, на памятниках Урочище Балчикова-3 (к. 7) в Горном Алтае [6, с. 118] и Хар-Ямын-Гол (к. 8) в Монголии [21, с. 299] зафиксировано расположение данных объектов полукругом или со всех сторон вокруг кургана. Количество каменных колец варьирует от 1 до 10. В ходе исследования некоторых из них внутри были встречены угли и остатки кальцинированных костей животных.

4. Каменные выкладки округлой или подквадратной формы. Как правило, отмечен один подобный объект, располагавшийся на небольшом расстоянии к востоку от курганной насыпи. Каменные выкладки обнаружены в ходе раскопок погребально-поминальных комплексов Барбургазы-II (к. 9), Урочище Балчикова-3 (к. 7), Чобурак-I в Горном Алтае [4, табл. 77; 6, с. 118; 4, табл. 77; 22, рис. 1, 2], Дыттык-Чарык-Аксы (к. 1), Улуг-Бюк-II (к. 1) в Туве [20, с. 236; 23, рис. 1]. В большинстве случаев подобные объекты не содержали каких-либо находок, только в ряде случаев под камнями зафиксированы угли.

5. Миниатюрные каменные четырехугольные оградки. Расположены на небольшом расстоянии к востоку или к югу от курганной насыпи. Подобные объекты встречены на памятниках Джолин-I (к. 9), Туекта (к. 5) в Горном Алтае [4, с. 373; 19, с. 93] и Кокэль (к. 13) в Туве [15, с. 297, рис. 9]. Раскопки оградок показали отсутствие материалов.

6. Небольшие каменные округлые или подквадратные «пристройки». Располагавшиеся вплотную к ограде или крепиде кургана тюркской культуры. Подобные сооружения встречены в ходе исследований на памятниках Бирюзовая Катунь-1, Урочище Балчикова-3 (к. 7) в Горном Алтае [6, с. 118; 24, с. 340] и Дыттык-Чарык-Аксы (к. 2) в Туве [20, с. 236]. Какиелибо находки внутри «пристроек» отсутствовали.

Обобщение имеющейся информации позволяет утверждать, что определенное количество курганов тюркской культуры, исследованных на территории Горного Алтая, Тувы и в меньшей степени Минус-

синской котловины и Монголии, сопровождалось «околокурганскими» объектами. Наиболее сложным является комплекс вопросов, связанных с их интерпретацией. Несомненно, это требует проведения специальных исследований и осуществления реконструкции комплекса мировоззренческих представлений кочевников. Поэтому в настоящей работе ограничимся лишь некоторыми наблюдениями и замечаниями в этом направлении.

На наш взгляд, важным моментом является то, что «околокурганские» сооружения тюркской культуры в значительной степени схожи с объектами, расположенными рядом с каменными оградками рассматриваемой общности. Обратимся к имеющемуся опыту систематизации данных памятников [25, с. 206]. Наиболее распространенными являются каменные оградки без каких-либо внешних объектов. Далее, по степени убывания, рядом с ними фиксируются изваяния или стелы, балбалы и их сочетание, а также другие сооружения. Преобладает восточная ориентировка обозначенных объектов. Достаточно редкой характеристикой конструкции каменных оградок тюркской культуры являются «пристройки» [5, с. 69]. Таким образом, выясняется, что организация сакрального пространства погребальных и «поминальных» комплексов в этом компоненте в значительной степени идентична. «Околокурганские» сооружения представлены балбалами, стелами, изваяниями, небольшими «пристройками»*. Точно так же они обычно расположены с восточной стороны от основного объекта (в данном случае кургана).

Не менее существенным показателем является то, что в большинстве случаев «околокурганские» сооружения обнаружены рядом с кенотафами, захоронениями лошадей и «ритуальными» курганами – памятниками, которые не относятся к «стандартным» погребениям. Возможно, именно этим объясняется сходство в организации сакрального пространства этих объектов и каменных оградок.

Необходимо отметить, что в настоящее время ряд исследователей подчеркивают, что однозначная трактовка каменных оградок как поминальных сооружений является необоснованной [5, с. 80–86; 26, с. 42; 27, с. 50]. В связи с тем, что предположение о погребальном характере обозначенных объектов не находит объективного подтверждения в материалах раскопок, одним из вариантов интерпретации некоторых памятников является их рассмотрение как кенотафов.

Впервые подобная трактовка «поминальных» объектов была предложена В.А. Могильниковым [28, с. 185–186]. Автор обратил внимание на то, что такие характеристики оградки 109 памятника Кара-Коба-I,

* По всей видимости, исключение в данном случае представляют каменные кольца, достаточно часто фиксирующиеся при изучении погребальных памятников и встреченные у оградок гораздо более фрагментарно [25, с. 206].

как захоронение лошади и деревянная колода, отделенная каменной перегородкой, находят аналогии в погребальном обряде населения тюркской культуры. В связи с этим исследователь предположил, что раскопанный объект можно рассматривать как кенотаф, отметив в то же время поминальный характер большинства оградок. По мнению В.А. Могильникова [28, с. 192], есть некоторые основания для отнесения к кенотафам сооружения, исследованного В.Д. Кубаревым в урочище Ян-Гобо. В следующей публикации материалов раскопок на памятнике Кара-Коба-I автор, не приводя на этот раз аргументов, предложил подобную интерпретацию и для оградки 69А [29, с. 95], которая не содержала ни захоронения лошади, ни инвентаря, предназначавшегося для человека.

Изучение таких характеристик оградок раннего кызыл-ташского этапа тюркской культуры [30, с. 161], как наличие каменного ящика и захоронения лошади, позволили исследователям предполагать возможность их связи с «миниатюрными» кенотафами булан-кобинской культуры [25, с. 210; 31, с. 86].

Отдельного рассмотрения заслуживает традиция сооружения смежных оградок. Не исключено, что в ряде случаев они представляют собой единый комплекс. К примеру, подобная ситуация зафиксирована в ходе раскопок памятника Мендур-Соккон-I [32, рис. 1, 2]. В одной из смежных оградок исследовано захоронение лошади, а во второй – миниатюрный каменный ящик, содержащий предметы вооружения. В данном случае наблюдаются некоторые параллели с погребениями и кенотафами кимакской культуры. Их специфика заключается в том, что сопроводительное захоронение животного совершалось в отдельной яме, но под одной подпрямоугольной насыпью-оградой с могилой, содержащей инвентарь мужчины-воина [33, с. 142–144].

Обратим внимание на черту, которая некоторым образом объединяет кенотафы, «ритуальные» курганы и оградки тюркской культуры. Речь идет о сравнительно частом обнаружении фрагментов доспеха при изучении обозначенных объектов. Панцирные пластины и части кольчуги являются весьма редкой находкой в погребениях тюрок [34, с. 96–97]. Остатки защитного вооружения встречены лишь однажды при исследовании «элитного» кургана [35, рис. 6]. Кроме единичной находки на поселении, все остальные фрагменты доспеха обнаружены в кенотафах, оградках и «ритуальных» курганах [2, рис. 4, 7; 10, с. 122, 129–131; 34, с. 96; 36, с. 129–139; 37, с. 118–122; 38, с. 51–52, рис. 2.-5]. Подобная особенность в распространении предметов защитного вооружения на сегодняшний день не нашла своего объективного объяснения. Вполне возможно, что исключительная ценность и редкость фрагментов доспеха, не раз отмечавшаяся исследователями [35, с. 70; 39, с. 130–131], связана с их символической значимостью.

В целом следует признать, что многие вопросы изучения погребально-поминальной практики населения тюркской культуры остаются открытыми. Возможности их решения связаны с детальным

и всесторонним изучением имеющихся археологических материалов, а также привлечением дополнительных источников – письменных и этнографических.

Библиографический список

1. Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // Советская археология (СА). – 1986. – №1.
2. Сорокин С.С. К вопросу о толковании внекурганых памятников ранних кочевников Азии // АСГЭ. – Вып. 22. – Л., 1981.
3. Ольховский В.С. Погребальная обрядность (содержание и структура) // Российская археология. – 1993. – №1.
4. Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск, 2005.
5. Суразаков А.С., Тишкин А.А., Шелепова Е.В. Археологический комплекс Котыр-Тас на Алтае. – Барнаул, 2008.
6. Шульга П.И., Горбунов В.В. Фрагмент доспеха из тюркского кенотафа в долине р. Сентелек // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 2002.
7. Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск, 1984.
8. Могильников В.А. Древнетюркские курганы Кара-Коба-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1990.
9. Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. – СПб., 1994.
10. Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). – М., 1979.
11. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л., 1965.
12. Поселянин А.И., Киргинеков Э.И., Тараканов В.В. Исследование средневекового могильника Белый Яр-II // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. – Вып. 2 – Новосибирск, 1999.
13. Семибратов В.П., Матренин С.С. Исследование погребальных и поминальных памятников тюркской культуры в зоне строительства Алтайской ГЭС в 2007 г. // Теория и практика археологических исследований. – Вып. 4. – Барнаул, 2008.
14. Суразаков А.С. Об археологических исследованиях в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. – Барнаул, 1982.
15. Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчика. – М.; Л., 1966. – Т. II.
16. Грач А.Д. Исследования в Бай-Тайге // Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчика. – М.; Л., 1966. – Т. II.
17. Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Работы в Хакасии и Туве // Археологические открытия 1982 года. – М., 1984.
18. Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. – М., 1969.
19. Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМ. – 1941. – Вып. 16.
20. Трифонов Ю.И. Работы в Туве и Хакасии // Археологические открытия (АО) 1974 года. – М., 1975.
21. Кубарев Г.В., Со Гилсу, Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д., Лхундев Г., Баярхуу Н., Ким Хый Чхан, Канн Сом, Чжон Вон Чхоль. Исследование древнетюркских памятников в долине реки Хаар-Ямаатын-Гол (Монгольский Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XIII. – Новосибирск, 2007.
22. Бородовский А.П. Исследование одного из погребально-поминальных комплексов древнетюркского времени на Средней Катуні // Археология Горного Алтая. – Барнаул, 1994.
23. Длужневская Г.В. Комплекс древнетюркского времени на могильнике Улуг-Бюк-II // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. – Новосибирск, 2000.
24. Кирюшин К.Ю., Кондрашов А.В., Семибратов В.П., Силантьева М.М., Терехина Т.А. Исследование памятников древнетюркского времени на территории Бирюзово́й Катуні в 2005 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2005. – Т. II. – Ч. 1.
25. Матренин С.С., Сарафанов Д.Е. Классификация оградок тюркской культуры Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Вып. 3–4. – Горно-Алтайск, 2006.
26. Кубарев В.Д. Изваяние, оградка, балбалы (о проблемах типологии, хронологии и семантики древнетюркских поминальных сооружений Алтая и сопредельных территорий) // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. – Барнаул, 2001.
27. Кубарев Г.В. Новые данные о древнетюркских оградках Алтая // Средневековая археология евразийских степей. – Казань, 2007. – Т. I.
28. Могильников В.А. Древнетюркские оградки Кара-Коба-I // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1992.
29. Могильников В.А. Культурные кольцевые оградки и курганы Кара-Кобы-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск, 1994.
30. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). – Барнаул, 2005.
31. Матренин С.С., Шелепова Е.В. Материалы по изучению ритуальных сооружений кочевников Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. (булан-кобинская культура) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Вып. 5. – Горно-Алтайск, 2007.
32. Соенов В.И., Эбель А.В. Ритуальные сооружения могильника Мендур-Соккон-I // Известия лаборатории археологии. – Вып. 2. – Горно-Алтайск, 1997.
33. Ткачев А.А., Ткачева Н.А. Итоги исследования археологических памятников Усть-Каменогорского микро-

района // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 1999. – Вып. 2.

34. Горбунов В.В. Панцирные пластины тюркского доспеха // Древности Алтая. – Вып. 12. – Горно-Алтайск, 2004.

35. Кубарев Г.В., Кубарев В.Д. Погребение знатного тюрка из Балык-Соока (Центральный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – №4.

36. Грач А.Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (Полевой сезон 1958 г.) // Материалы

по археологии и этнографии Западной Тувы. – М. ; Л., 1960. – Т. I.

37. Загородний А.С., Григорьев Ф.П. Дополнительные данные о могильнике Иссык // Вопросы археологии Казахстана. – Вып. II. – Алмааты ; М., 1998.

38. Кубарев Г.В. Новые данные о древнетюркских оградках Алтая // Средневековая археология евразийских степей. – Казань, 2007. – Т. I.

39. Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. – Свердловск, 1990.